

УДК 811.112.2

**ЛАКУНАРНОСТЬ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ
ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ПРОИЗВОДНОГО ИМЕНИ
(на материале евангельской гармонии Татиана)**

А.С. Кулигин

Аннотация

В статье рассматривается словообразовательная семантика латинского и древневерхненемецкого производного имени в параллельном тексте евангельской гармонии Татиана. На основе сопоставительного анализа деривационных категорий определяются лакуны в древневерхненемецкой словообразовательной семантике и способы их языковой компенсации. Показано, что латинский язык обладал более широким набором словообразовательных значений в системе существительного по сравнению с древневерхненемецким языком, деривационные лакуны в котором компенсировались средствами словосложения.

Ключевые слова: латинский язык, древневерхненемецкий язык, сопоставительное словообразование, словообразовательная семантика.

В настоящее время историческое словообразование немецкого языка, как и группы германских языков в целом, является одной из наименее изученных областей германистики. Несмотря на то что первые работы, посвящённые отдельным словообразовательным явлениям, появились ещё в XIX веке, специальных обобщающих исследований по историческому словообразованию немецкого языка не проводилось вплоть до самых последних лет. Во многом такая ситуация обусловлена тем, что изучение деривационных особенностей древних германских языков началось задолго до формирования теоретических основ словообразования (опирающихся главным образом на современный языковой материал) и совершенствования методики словообразовательного анализа. С другой стороны, современные исследования выводят на первый план вопросы системной и функциональной организации словообразовательных явлений и рассматривают их при помощи самых разных методов: от психолингвистических экспериментов до культурологически ориентированного анализа. В контексте такого рода задач исторический языковой материал обнаруживает ценные исследовательские перспективы и подлежит новому осмыслению.

Особый интерес в истории языков вызывают периоды интенсивных языковых контактов, всегда сопровождаемые ростом числа лексических и словообразовательных неологизмов. В истории немецкого языка одним из таких периодов стала эпоха католической христианизации, которая поставила задачу адаптации латинских богословских текстов в германской культурной среде. Древневерхне-

немецкий лексический ярус отмечен стремительным увеличением объёма религиозной лексики и развитием словообразовательной системы, которое, по сути, явилось лингвистическим экспериментированием немецких переводчиков с лексическими и словообразовательными потенциалами родного языка. В этом смысле древневерхненемецкий словообразовательный материал интересен для германистических исследований не только как один из ранних письменно зафиксированных отпечатков древних деривационных процессов, но и как яркая иллюстрация деривационных возможностей немецкой словообразовательной системы в целом.

В силу определённой «латинизации» язык древнемецкой переводной литературы и его словообразовательные особенности целесообразно изучать в сопоставлении с латынью. Это подводит нас к проблематике сопоставительного исследования словообразования в неблизкородственных языках. В отечественном языкознании вопрос о единицах сопоставительного анализа в словообразовательной сфере обсуждался неоднократно. В программных статьях В.В. Лопатина, Р.С. Манучаряна и др. отмечается, что межъязыковое сравнение словообразовательных типов – основных элементов словообразовательной системы – плодотворно главным образом при анализе близкородственных языков [1–2]. В языках же неблизкородственных общие генетические типы, как правило, отсутствуют, а установление эквивалентных соответствий между типами в разных языках затруднительно.

При сопоставлении латинского и древневерхненемецкого словообразования исследование осложняется ещё и тем, что данные языки существенно отличаются по степени продуктивности разных словообразовательных способов: в латыни была значительно развита аффиксация, в то время как древневерхненемецкий тяготел к словосложению. Отсюда следует, что изучаемая словообразовательная единица должна быть более абстрактна, чем словообразовательный тип, и отвлечена от конкретного словообразовательного форманта. На роль такой единицы обычно предлагается словообразовательная категория (СК). В то же время статус СК в деривационной системе языка до настоящего времени однозначно не определён: она фигурирует то как совокупность производных слов с общим словообразовательным значением, то как система синонимичных словообразовательных типов, то как формально-семантическая схема образования слов [3].

Несмотря на то что основной объект изучения (производные слова) в таких работах практически совпадает, первый подход в большей степени ориентирован на изучение словообразования с лексикологических позиций и опирается на анализ лексико-семантических групп, в то время как второй и третий зачастую предъявляют к исследовательскому материалу во многом спорные формальные ограничения. Дискуссионными являются и сами критерии объединения типов или дериватов в ту или иную СК. С точки зрения формальной стороны СК спорными остаются вопросы о тождестве словообразовательного способа для всех членов СК и о принадлежности их мотивирующих баз к одной части речи.

Поскольку главным предметом настоящего исследования являются типовые словообразовательные значения, мы рассматриваем в рамках одной СК все типы, имеющие в своём составе синонимичные словообразовательные форманты (аффиксы или аффиксоиды). Во-первых, такой подход позволяет избежать

неоправданного сужения состава СК. В самом деле, было бы неуместно относить такие *nomina agentis*, как двн. *lêrâri* ‘тот, кто учит’ и двн. *accar-bigengiri* ‘тот, кто возделывает землю’, к разным СК на том лишь основании, что в первом случае перед нами суффиксация, а во втором – сопровождающееся суффиксацией словосложение.

Во-вторых, принимаемое нами в целом разделение аффиксации и словосложения в целях категориальной классификации требует некоторой оговорки, поскольку не учитывает проблему переходных единиц – аффиксоидов, которые находятся на границе разных словообразовательных способов, но приобретают уже вполне стереотипную семантическую и функциональную нагрузку.

Наконец, древневерхненемецкая производная лексика, как упоминалось выше, отличается окказионально-экспериментальным характером, и статус конкретного словообразовательного средства – а значит, и способа словообразования – не всегда возможно однозначно определить, что требует более гибкого подхода к её анализу.

Критерий принадлежности мотивирующих баз у членов одной СК к одной части речи мы также считаем факультативным. По справедливому замечанию Г.В. Беляковой, ограничение такого рода «приводит к искусственному “разведению” по разным СК производных слов, вступающих со своими производящими в отношения многопроизводности» [3, с. 73].

Семантическая сторона СК представляется гораздо более сложной. Вопрос о количестве СК, их составе, границах и степени обобщённости не имеет и, по-видимому, никогда не будет иметь однозначного решения отчасти в силу того, что СК является конвенциональным, метаязыковым понятием, которое может быть обосновано методологически, но не подтверждено онтологически, а отчасти потому, что сама словообразовательная семантика представляет собой динамический континуум, лишь условно поддающийся сегментации и не сводимый в конечном итоге к системе однозначных оппозиций.

Характерно, что в современных работах по данной проблематике основанием для выделения СК могут быть словообразовательные значения разной природы: мутационные (СК лица, СК орудий труда, локативная СК), модификационные (СК единичности), транспозиционные (СК абстрактности/отвлечённости), а также комбинации разнотипных значений (СК состояний человека). При этом, как видно из приведённых формулировок, некоторые выделяемые СК сближаются с ономаσιологическими категориями и могут быть интерпретированы как их составные части. Например, ономаσιологическая группа *всех* наименований лиц включает в себя группу *производных* наименований лиц как составную часть. Другие же рассматриваемые в литературе СК скорее противопоставлены ономаσιологическим. Так, к СК единичности могут быть отнесены только производные слова, поскольку они предполагают обязательную связь с производящим словом, обозначающим какое-либо нерасчленённое единство, и немедленно выйдут из состава СК единичности, если утратят эту связь.

Такие классификационные различия обусловлены, на наш взгляд, ономаσιологической неоднородностью структуры производных слов. Остановимся подробнее на её устройстве. В модели ономаσιологической структуры производного слова, разработанной Е.С. Кубряковой, выделяются три компонента:

а) указание на концепт производного; б) указание на концепт производящего; в) «когнитивная связка» между ними [4].

«Когнитивная связка» и отсылка к производящему могут содержаться только в семантике производных слов, однако принадлежность к той или иной ономаσιологической категории свойственна всем знаменательным словам как членам лексической системы языка. Второй и третий семантические компоненты производного слова исторически непостоянны и могут исчезать либо видоизменяться в диахронии, сопровождаемые процессами опрощения или переразложения основ, в то время как первый компонент ономаσιологической структуры в значительной степени устойчив. Так, див. *herizogo* ‘воевода’ соотносилось в древневерхненемецком языке со словосочетанием *heri* + *ziohan* (‘войско’ + ‘вести’) и входило в представительную группу *nomina agentis*, обозначая лицо как субъект действия. В современном немецком языке данное слово, функционирующее как *Herzog* (‘герцог’), в силу исчезновения первоначального словообразовательного типа и морфологического опрощения утратило мотивированность и семантику деятеля, однако по-прежнему выступает как наименование лица.

На этом основании мы можем противопоставить первый компонент ономаσιологической структуры производного слова как общий для всех знаменательных слов (включая непродуцированные и утратившие продуцируемость) второму и третьему как свойственным исключительно производным словам и обязательным для них. Это, в свою очередь, означает, что словообразовательные типы (или дериваты) могут быть объединены в некоторую единую СК либо на основе ономаσιологического базиса (первый компонент), либо на основе стереотипной «когнитивной связки» (третий компонент). Графически пересечение в ономаσιологической структуре производного слова семантики базиса и типа «связки» может быть представлено в виде таблицы, демонстрирующей некий фрагмент именной словообразовательной системы латинского языка, где значения **лица, места и предмета** выделены в качестве возможных ономаσιологических базисов производных слов и значения **уменьшительности, предназначения, субъекта и объекта действия** – в качестве семантических «связок» (табл. 1).

Выделяя СК по типу семантики ономаσιологического базиса (группировка «по вертикали»), мы будем иметь дело с такими СК, как категория лица, предмета, места и т. п. Избрав в качестве основания стереотипное значение «связки» (группировка «по горизонтали»), можно говорить о категориях предназначения, уменьшительности, единичности и т. п. Возможен также и третий вариант – рассматривать в качестве СК стандартные комбинации ономаσιологического базиса и вида семантического отношения, такие, например, как *nomina agentis* (лицо как субъект действия) или *nomina instrumenti* (предмет, предназначенный для совершения действия). На практике, в современных исследованиях в том или ином виде представлены все три подхода, однако семантика ономаσιологического базиса и значение словообразовательной связи в них далеко не всегда противопоставляются друг другу, что и приводит, по-видимому, к выделению разнотипных СК. В дальнейшем мы будем рассматривать стереотипные словообразовательные значения прежде всего как комбинации обоих компонентов, что необходимо для более точного сопоставительного анализа.

Табл. 1

Фрагмент именной словообразовательной системы латинского языка¹

Тип семантической связи	Значение ономаσιологического базиса		
	Лицо	Предмет	Место
Субъект действия	лицо как субъект названного действия (n. agentis) <i>agricola</i> 'земледелец' <i>doctor</i> 'учитель' <i>imperator</i> 'правитель'	–	–
Объект действия	–	предмет как объект названного действия <i>sata</i> 'саженец'	–
Предназначение	–	предмет, предназначенный для названного действия (n. instrumenti), вещи или лица <i>sudarium</i> 'платок для вытирания пота' <i>ventilabrum</i> 'веялка'	место, предназначенное для названного действия, вещи или лица <i>cenaculum</i> 'трапезная' <i>vinea</i> 'виноградник'
Уменьшительность	ласкательное обозначение названного лица <i>filiolus</i> 'сынчик'	названный предмет небольшого размера <i>navicula</i> 'кораблик' <i>sacculus</i> 'мешочек'	названное место небольшого размера <i>tabernaculum</i> 'маленькая хижина'

Важной методологической особенностью современных исследований является переход от исключительного рассмотрения результатов деривационной активности словообразовательной системы к изучению её потенциальных возможностей: в сферу научного анализа попадают любые, в том числе потенциальные и окказиональные, производные единицы независимо от их узуального статуса. С одной стороны, такой подход позволяет, по выражению И.С. Улуханова, уточнять «семантические пределы» отдельных словообразовательных типов [5, с. 6], а с другой – анализировать словообразовательные закономерности независимо от ограничений языкового нормирования. Применительно к древним языковым периодам, не данным нам в непосредственном наблюдении, исследовательская установка, ориентированная на принципиальную возможность/невозможность построения дериватов с определённой словообразовательной семантикой, приобретает известную методологическую гибкость, поскольку корпус древних рукописей является «закрытым», не пополняемым новыми языковыми фактами, что во многом затрудняет проверку полученных в исследовании результатов.

При описании деривационных возможностей важно учитывать, что производство новых языковых знаков во многом регулируется коммуникативной необходимостью. В этом отношении древневерхненемецкая христианская переводная литература предоставляет для исследования ценный языковой материал,

¹ Данные таблицы основаны на материале словообразовательной картины ГТ и служат здесь иллюстративной цели, ни в коем случае не претендуя на всеохватность.

поскольку в данном случае ясны номинативно-прагматические потребности, активирующие словопроизводство. Наше исследование проведено на материале параллельного латинско-древневерхнемецкого текста евангельской гармонии Татиана (ГТ), созданного в начале IX века в Фульдском монастыре, который считается одним из наиболее приближенных к реальному языковому употреблению древневерхнемецких текстов.

Точкой отсчёта в анализе потенциала словообразовательной системы в нашем исследовании выступает ономазиологическая категория производящего слова как некоторая постоянная координата, относительно которой мы определяем, во-первых, в какие ономазиологические категории могут входить его субстантивные дериваты и, во-вторых, какие стереотипные «когнитивные связи» могут при этом возникать. Так, в латинском тексте Татиана от слов, принадлежащих ономазиологической категории лица, могут быть образованы существительные, входящие в ту же самую ономазиологическую категорию (*filius* ‘сын’ → *filiolus* ‘сынчек’) или в категорию предмета (*tribunus* ‘судья’ → *tribunal* ‘судейское кресло’).

Однако не зафиксировано ни одного существительного, которое было бы образовано от наименования лица и обозначало бы, например, животное, вещество или место. Общая картина возможностей производства существительных от слов, входящих в определённую ономазиологическую категорию, представлена в табл. 2 (по данным латинского текста) и 3 (по данным древневерхнемецкого перевода). Оговоримся, однако, что в настоящем исследовании мы не рассматриваем специфическую группу *nomina abstracta*, поскольку анализ слов с транспозиционным значением требует несколько иного исследовательского подхода, что, впрочем, не искажает результатов, полученных для других категорий.

В приведённых данных интересными представляются не только клетки, заполненные в одном из языков и пустующие в другом (аффиксальные наименования мест и веществ в латинском тексте и их практически полное отсутствие в немецком), но также и общие для латинского и древневерхнемецкого языка «внутриязыковые» лакуны, как, например, невозможность образования наименования существа от наименования лица. Однако в силу того, что словообразовательная картина одного текста не может в полной мере отразить всех деривационных языковых возможностей, мы остановимся на рассмотрении таких случаев, когда при соответствующей номинативной потребности калькирование необходимого слова оказывается затруднено, и проанализируем кальки с локативным значением.

В немецкой части Татиана нами обнаружено три аффиксальных деривата со значением места (*euvist* ‘овчарня’, *selida* ‘пристанище’ и *stedi* ‘берег, пристань’), однако для соответствующих словообразовательных типов локативное значение, по-видимому, является периферическим. Древневерхнемецкие существительные с суффиксами *-ida* и *-st* обозначают, как правило, абстрактные понятия: *forlust* ‘потеря’, *fullida* ‘полнота’, *éuuida* ‘вечность’ и т. п. В то же время абсолютное большинство латинских наименований мест (как производных, так и непроизводных) были переведены при помощи словосложения. При этом в качестве вторых компонентов сложных слов выступали существительные *lant* ‘земля, страна’ (лат. *oriens* → двн. *ôstar-lant* ‘восток’), *stat* ‘место’ (лат. *sepultura* → двн.

Табл. 2

Ономасиологические категории производящих слов и их потенциальных субстантивных дериватов в словообразовательной картине латинского текста

→	Потенциальные ономасиологические базисы производных существительных				
	Лицо	Существо	Предмет	Вещество	Место
Ономасиологические категории производящих слов					
Лицо	+		+		
Существо		+			
Предмет	+		+	+	+
Вещество			+		
Место	+		+		+
Процесс	+		+	+	+

Табл. 3

Ономасиологические категории производящих слов и их потенциальных субстантивных дериватов в словообразовательной картине древневерхненемецкого текста

→	Потенциальные ономасиологические базисы производных существительных				
	Лицо	Существо	Предмет	Вещество	Место
Ономасиологические категории производящих слов					
Лицо	+				
Существо		+			
Предмет	+		+		
Вещество					
Место	+				
Процесс	+		+		

graba-stat 'место погребения'), *gart* 'сад' (лат. *vinea* → двн. *uuîn-gart* 'виноградник'), *hûs* 'дом' (лат. *domus orationis* → двн. *gibet-hûs* 'дом молитвы') и *hōf* 'двор' (лат. *praetorium* → двн. *frit-hof* 'преторий, двор'). Подобный «описательный» перевод и передача абстрактного словообразовательного локативного значения лексическими средствами позволяют утверждать, что в древневерхненемецком языке для производства субстантивных наименований мест, по видимому, не существовало регулярной аффиксальной модели.

Различными в латинском и древневерхненемецком языках оказываются и типы семантической связи. В исследованном нами латинском тексте в случае, если и производящее и производное входили в ономасиологическую категорию лица, между ними могла быть установлена одна из следующих стереотипных «когнитивных связей», за каждой из которых закреплён определённый формант:

- диминутивное значение (выражаемое формантом *-ulus/-olus*): *filius* → *filiolus* 'сын → сынок', *rex* → *regulus* 'царь → царёк';
- значение женскости (выражаемое формантом *-ina*): *rex* → *regina* 'царь → царица';
- значение совместности (выражаемое префиксальным формантом *con-*): *discipulus* → *condiscipulus* 'ученик → соученик'.

Табл. 4

Словообразовательные значения, конструируемые на базе наименований лица (S – основа существительного)

Возможные онома- сиологические ба- зисы производных	Возможные типы деривационной связи	
	в латинском тексте	в древненемецком тексте
Лицо	<p>дими́нүтивное значение S-olus: <i>filius</i> ‘сын’ → <i>filiolus</i> ‘сынок’</p> <p>значение женскости S-ina: <i>rex</i> ‘царь’ → <i>regina</i> ‘царица’</p> <p>значение совместности con-S: <i>servus</i> ‘невольник’ → <i>conservus</i> ‘соневольник’</p>	<p>дими́нүтивное значение S-lîn: <i>kind</i> ‘ребёнок’ → <i>kindilîn</i> ‘ребёночек’</p> <p>S-în: <i>magat</i> ‘дева’ → <i>magatîn</i> ‘девушка’</p> <p>значение женскости S-in: <i>cuning</i> ‘царь’ → <i>cuningin</i> ‘царица’</p> <p>–</p>
Предмет	<p>предназначенность S-al: <i>tribunus</i> ‘судья’ → <i>tribunal</i> ‘судейское кресло’</p>	–

Иные виды «связок» между монолексемными обозначениями лиц, находящимися друг с другом в отношениях производности, в латинском тексте Тацитана не обнаружены.

В древневерхненемецком переводе не зафиксирован такой тип семантической связи, как «совместность»: латинские префиксальные дериваты *condiscipulus* ‘соученик’ и *conservus* ‘соневольник’ были калькированы как сложные слова *eban-jungiro* и *eban-scalc* при помощи основы *eban-* ‘равный, наравне’. Типовые деривационные значения, потенциально конструируемые при помощи аффиксальных словообразовательных средств на базе наименований лица, соответствующие словообразовательные модели и «лакуны», систематизированы в табл. 4.

Приведём также данные по словообразовательным типам, образующим дериваты от слов, входящих в ономасиологические категории «существо», «вещество», «предмет» (в широком смысле – как любой неодушевлённый объект) и «процесс» (табл. 5–8).

Данные приведённых таблиц указывают на довольно большое количество лакун в сфере древневерхненемецкого именного аффиксального словообразования. Лакунарными являются как некоторые типы связей между производящими и производными лексемами, так и целые СК.

Проанализировав распределение словообразовательных моделей по предложенным таблицам, мы можем предположить, что для некоторых из них характерно стремление к специализации на выражении либо ономасиологического базиса производного слова, либо стереотипной «когнитивной связки». Так, латинская модель *S-arius* участвует исключительно в производстве наименований лиц, однако семантическая связь с производящим словом может отличаться у разных дериватов, ср.: лат. *nummus* ‘монета’ → *nummularius* → ‘меняла’ (то есть лицо по объекту деятельности), лат. *stabulum* ‘стойло’ → *stabularius* ‘конюх’

Табл. 5

Словообразовательные значения, конструируемые на базе наименований существ

Возможные онома- сиологические ба- зисы производных	Возможные типы деривационной связи	
	в латинском тексте	в древненемецком тексте
Существо	диминутивное значение S-ellus: <i>catulus</i> ‘собачка’ → <i>catellus</i> ‘щенок’ значение женскости S-ina: <i>gallus</i> ‘петух’ → <i>gallina</i> ‘курица’	диминутивное значение S-lîn: <i>tûba</i> ‘голубь’ → <i>tubiclîn</i> ‘голубок’ значение женскости S-in: <i>wolf</i> ‘волк’ → <i>wolfin</i> ‘волчица’

Табл. 6

Словообразовательные значения, конструируемые на базе наименований веществ

Возможные онома- сиологические ба- зисы производных	Возможные типы деривационной связи	
	в латинском тексте	в древненемецком тексте
Предмет	«предназначенность» S-arium: <i>sudor</i> ‘пот’ → <i>sudarium</i> ² ‘платок для вытирания пота’ «изделие» S-mentum: <i>aes</i> ‘медь’ → <i>aeramentum</i> ³ ‘сосуд из меди’	– –

(то есть лицо по месту деятельности), лат. *adversus* ‘враждебный’ → *adversarius* ‘враг’ (то есть лицо по признаку) и т. п. При этом словообразовательная модель *S-arius* не активна более ни в одной другой категории.

Специализация на основе семантической связи производящего и производного в большей степени характерна для модификационных типов: в частности, при помощи модели *S-(c)ul* в латинском языке могут быть образованы диминутивные наименования как лиц (*rex* ‘царь’ → *regulus* ‘царёк’), так и животных (*canis* ‘собака’ → *canicula* ‘собачка’), предметов (*navis* ‘корабль’ → *navicula* ‘кораблик’) и мест (*taberna* ‘хижина’ → *tabernaculum* ‘маленькая хижина’).

Словообразовательной моделью достаточно регулярно может выражаться и определённая комбинация онома-сиологической семантики производного и типа «связки»: по латинской модели *V(супин)-or* образуются почти исключительно *nomina agentis* (*imperator* ‘правитель’, *doctor* ‘учитель’ и т. п.), по древневерхненемецкой *V-il – nomina instrumenti* (*leffil* ‘ложка, черпак’, *sluzzil* ‘ключ’ и т. п.). Однако такие случаи, несмотря на представительные ряды однотипных производных, немногочисленны, и функциональный диапазон определённой

² Лат. *sudarium*, в данном случае выступающее в значении ‘платок для вытирания пота’, в древневерхненемецком тексте переводится полукальками *sueiz-tuoh* и *sueiz-lahhan* (‘пот + платок’).

³ Лат. *aeramentum* (здесь ‘сосуд из меди’) калькировано на древневерхненемецкий язык композитом *êrfaz* (‘металл + сосуд’). В немецкой словообразовательной картине Татиана зафиксировано также суффиксальное производное *silabarling* ‘серебряная монета’. Однако мы не включили его в таблицу, поскольку не ясно, мотивируется ли оно существительным *silabar* ‘серебро’ (то есть наименованием вещества) или прилагательным *silabarîn* ‘серебряный’ (наименованием признака).

Табл. 7

Словообразовательные значения, конструируемые на базе наименований предметов

Возможные онома- сиологические ба- зисы производных	Возможные типы деривационной связи	
	в латинском тексте	в древненемецком тексте
Лицо	по объекту деятельности S-arius: <i>nummus</i> 'монета' → <i>nummularius</i> 'меняла' S-or: <i>janua</i> 'дверь' → <i>janitor</i> 'привратник'	по объекту деятельности S-âri: <i>trumba</i> 'труба' → <i>trumbâri</i> 'трубач'
Предмет	дими́нutiveное значение S-ellum: <i>castrum</i> 'лагерь' → <i>castellum</i> 'маленький лагерь' S-cul: <i>navis</i> 'корабль' → <i>navicula</i> 'кораблик' «предназначенность» S-brum: <i>candela</i> 'свеча' → <i>candelabrum</i> 'подсвечник' S-al: <i>cervix</i> 'затылок' → <i>cervical</i> 'подушка'	дими́нutiveное значение S-lîn: <i>skif</i> 'корабль' → <i>skifilîn</i> 'кораблик'
Место	«предназначенность» S-ō: <i>vinum</i> 'вино' → <i>vinea</i> 'ви- ноградник'	—

модели (а тем более форманта) при исследовании синхронного среза словообразовательной системы выглядит, как правило, семантически «рассеянным». Такое неравномерное распределение деривационных моделей, скорее всего, может быть объяснено с диахронических позиций как результат индивидуального семантического развития того или иного словообразовательного типа.

Как следует из приведённых данных, в словообразовательной семантике древневерхненемецкого производного имени обнаруживается достаточно большое количество лакун. Не существует регулярных аффиксальных словообразовательных типов для образования наименований мест, веществ и временных отрезков; в общих для обоих текстов потенциальных деривационных диапазонах не всегда фиксируются тождественные латинским отчётливые «когнитивные связки», соединяющие семантику производящей и производной лексем. В то же время в каждом конкретном случае большинство таких лакун может быть компенсировано путём словосложения, что и определяет в значительной степени деривационный потенциал древневерхненемецкой словообразовательной системы.

Мы также видим, что и в латинском, и в древневерхненемецком языке при соответствующей номинативной потребности почти все выделенные онома-сиологические категории были способны разрастаться за счёт словообразовательных механизмов, производящих слова в пределах одной и той же категории, а также участвовать в построении иных онома-сиологических категорий, обогащая их состав через устойчивые межкатегориальные словообразовательные типы.

Табл. 8

Словообразовательные значения, конструируемые на базе наименований процессов (V – глагольная основа)

Возможные онома- сиологические ба- зисы производных	Возможные типы деривационной связи	
	в латинском тексте	в древненемецком тексте
Лицо	<p>«субъект действия» V-or: <i>pasco</i> ‘пасти’ → <i>pastor</i> ‘пастух’ V-ulus: <i>figo</i> ‘ваять’ → <i>figulus</i> ‘горшечник’ V-ex: <i>judico</i> ‘судить’ → <i>judex</i> ‘судья’</p>	<p>«субъект действия» V-id: <i>leiten</i> ‘вести’ → <i>leitido</i> ‘предводитель’ V-âri: <i>toufen</i> ‘крестить’ → <i>toufâri</i> ‘креститель’</p>
Предмет	<p>«объект действия» V-mentum: <i>vestio</i> ‘покрывать’ → <i>vestimentum</i> ‘покрывало’ «предназначенность» V-ula: <i>tego</i> ‘крыть’ → <i>tegula</i> ‘кровля’ V-mentum: <i>moneo</i> ‘напоми- нать’ → <i>monumentum</i> ‘памят- ник’ V-trum: <i>aro</i> ‘пахать’ → <i>aratrum</i> ‘плуг’ «результат действия» V-tura: <i>struo</i> ‘сооружать’ → <i>structura</i> ‘соружение’ V-mentum: <i>frango</i> ‘раскалы- вать’ → <i>fragmentum</i> ‘осколок’</p>	<p>– «предназначенность» V-il: <i>sliozan</i> ‘запирать’ → <i>sluzzil</i> ‘ключ’ «результат действия» V-o: *<i>wuntôn</i> ‘ранить’ → <i>wunta</i> ‘рана’</p>
Вещество	<p>«объект действия» V-tus: <i>poto</i> ‘пить’ → <i>potus</i> ‘напиток’ «результат действия» V-tura: <i>misceo</i> ‘смешивать’ → <i>mixtura</i> ‘смесь’ V-or: <i>sudo</i> ‘потеть’ → <i>sudor</i> ‘пот’</p>	–
Место	<p>«объект действия» V-io: <i>rego</i> ‘править’ → <i>regio</i> ‘страна’ «предназначенность» V-tus: <i>exeo</i> ‘выходить’ → <i>exitus</i> ‘выход, место выхода’ «результат действия» V-crum: <i>sepelio</i> ‘погребать’ → <i>sepulcrum</i> ‘гробница’</p>	–

Summary

A.S. Kuligin. Lacunarity in Derivational Semantics of Old High German Derived Substantives (Based on the Material of Tatian's Gospel Harmony).

The article studies the derivational semantics of Latin and Old High German derived substantives in the parallel text of Tatian's Gospel Harmony. Based on a contrastive analysis of derivational categories, we determine lacunas in the Old High German word-formation semantics and the ways of their linguistic compensation. We show that the Latin language had a wider range of word-formation meanings in the system of substantives compared to the Old High German language, where derivational lacunas were compensated by the means of stem composition.

Keywords: Latin, Old High German, contrastive word-formation, derivational semantics.

Источник

ГТ – *Sievers E.* Tatian: Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1966. – 518 S.

Литература

1. *Лопатин В.В.* Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 46–53.
2. *Манучарян Р.С.* Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 53–58.
3. *Белякова Г.В.* Словообразовательная категория как дериватологическая проблема (на материале словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных в современном русском языке) // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 59. – С. 70–76.
4. *Кубрякова Е.С.* Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 39–45.
5. *Улукханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.

Поступила в редакцию
31.05.13

Кулигин Андрей Сергеевич – аспирант кафедры прикладной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: andrej_kuligin@mail.ru